

Оглавление

От автора 7

ЧАСТЬ I. ПРОЛОГ. ВЕЛИКИЕ ИДЕИ

Глава первая. Философия — занятие общечеловеческое. 15

Глава вторая. В чем был прав и в чем ошибался Платон 20

Глава третья. Язык философии 26

Глава четвертая. Избранные идеи. 33

ЧАСТЬ II. ИСТИНА — БЛАГО — КРАСОТА.

ИДЕИ, НА КОТОРЫЕ МЫ ОПИРАЕМСЯ В СВОИХ ОЦЕНКАХ

Глава пятая. Лжец и скептик. 43

Глава шестая. Умеренный скептицизм и его три формы 50

Глава седьмая. Область сомнений. 58

Глава восьмая. Стремление к истине 68

Глава девятая. От истины к благу и красоте. 75

Глава десятая. «Есть» и «должно». 77

Глава одиннадцатая. Действительное и кажущееся благо 83

Глава двенадцатая. Классификация и иерархия благ 93

Глава тринадцатая. Высшее и общее благо 103

Глава четырнадцатая. От истины и блага к красоте 110

Глава пятнадцатая. Красота, доставляющая удовольствие. 114

Глава шестнадцатая. Совершенная красота. 122

Глава семнадцатая. Благо красоты и красота истины 134

ЧАСТЬ III. СВОБОДА — РАВЕНСТВО — СПРАВЕДЛИВОСТЬ.
ИДЕИ, КОТОРЫМИ МЫ РУКОВОДСТВУЕМСЯ
В СВОИХ ПОСТУПКАХ

Глава восемнадцатая. Верховенство справедливости	145
Глава девятнадцатая. Свобода действовать по своему желанию	150
Глава двадцатая. Свобода, на которую мы имеем право	159
Глава двадцать первая. Границы равенства	164
Глава двадцать вторая. Равенства, на которые мы имеем право	172
Глава двадцать третья. Неравенства, которых требует справедливость.	181
Глава двадцать четвертая. Область справедливости	193
Глава двадцать пятая. Справедливость и сила закона.	203

ЧАСТЬ IV. ЭПИЛОГ. ВЕЛИКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОПРОСЫ

Глава двадцать шестая. Идеи, проблемы, вопросы	215
Глава двадцать седьмая. Некоторые проблемы истины, блага и красоты.	217
Глава двадцать восьмая. Некоторые проблемы свободы, равенства и справедливости.	231

ЧАСТЬ I

Пролог

Великие идеи

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Философия — занятие общечеловеческое

Мысль, что философия имеет отношение к каждому из нас, не нуждается в многократном повторении. Быть человеком означает быть существом, наделенным способностью к философствованию. В ходе повседневной жизни мы все так или иначе склонны вдаваться в философские рассуждения.

Однако простого признания этого недостаточно. Необходимо понять, почему так происходит и что такое «заниматься философией».

Если ответить одним словом — это идеи. А в двух словах — это великие идеи. Без них невозможно прийти к пониманию себя как личности, нашего общества и мира, в котором мы живем.

Вечные идеи составляют, как мы увидим далее, сокровищницу наших мыслей — своеобразный общечеловеческий лексикон взглядов. Именно «общечеловеческий», поскольку все слова, их обозначающие, в отличие от специальных научных терминов, употребляются нами в привычной повседневной речи. Эта лексика не принадлежит ни технической терминологии, ни профессиональному жаргону, относящемуся к какой-либо отрасли знаний. Ее может использовать любой из нас в самом заурядном разговоре. Но не каждый в состоянии понимать обозначающие идеи слова в том значении, в каком их следует истолковывать, и далеко не все в достаточной мере задумываются над вопросами, стоящими за великими понятиями. Но в какой-то момент вы начинаете размышлять над тем, каким образом распутать клубок противоречивых решений вечных проблем, — когда вы поступаете так, то это и называется «заниматься философией».

Определить некоторые ориентиры в этом процессе — и не более того — вот для чего предназначена моя книга. В нее вошли не все вечные идеи — ведь тогда понадобилось бы писать слишком большое произведение. Мною отобраны всего шесть, однако несомненно наиболее значимых для любого человека: истина, благо, красота и свобода, равенство, справедливость.

Я поставил цель не только включить в книгу небольшое количество идей, но и ограничить рассмотрение каждой концепции самым элементарным описанием. Таким образом я пошел навстречу интересам читателя, чтобы ему было удобнее справиться с некоторыми проблемами.

Во-первых, это позволит ему приходиться к более точному пониманию смысла слов, которые он употребляет, обсуждая какую-либо идею. Предполагаю, что каждый из нас в течение одной недели десятки раз говорит: «Это правда» и «Это ложь». Что мы подразумеваем, произнося те или иные слова? По каким критериям мы выносим именно такое суждение? Чем мы подтвердим свое мнение, когда собеседник начнет нам возражать? Читатель, получивший немного более вразумительное представление об истине, чем есть у большинства людей, сможет преодолеть подобные трудности. Конечно, продвигаясь шаг за шагом к глубокому пониманию идеи истины, читатель начнет выискивать причину и природу вещей — и не важно, будет ли он при этом осознавать, что «занимается философией».

Во-вторых, точное описание каждой концепции сделает читателя более осведомленным в тех проблемах, с которыми он обычно сталкивается, и некоторых вопросах. Он не может их избежать, когда начинает глубже вникать в смысл того, что мы привыкли называть вечными идеями и о чем спорим на протяжении столетий.

Меняется ли в зависимости от ситуации наше представление об истине? Или оно остается для нас неизменным? Может ли одно и то же утверждение стать правильным для меня, но оказаться полной противоположностью правде для вас? Все ли разногласия, разделяющие людей на два антагонистических лагеря, могут быть решены с помощью выяснения, какое из противоречивых мнений относится к истинному, а какое — к ошибочному? Есть ли такие расхождения во взглядах, которые вообще не имеют отношения к вопросам правды и лжи? Каков будет

ваш ответ скептику, утверждающему, что усилия, потраченные на поиск истины, всегда напрасны?

В-третьих, обсуждение одной идеи обязательно влечет за собой рассмотрение следующей. Влияет ли наше восприятие истины на наше представление о красоте и совершенстве? Как понимание хорошего и плохого дает нам возможность осмыслить не только то, что правильно и неправильно, но и то, что справедливо? И каким образом все вышеперечисленное приводит нас к постижению свободы и равенства?

Ни одна великая идея не представляет собой замкнутую на самой себе систему, изолированную от других концепций. Таким образом, объяснение одной из шести идей выводит нас за ее пределы, приближая к остальным пяти; когда они будут изучены каждая в отдельности и все вместе в их взаимосвязанности, мы вдруг обнаружим, что не ощущаем себя чужаками в этом царстве. По крайней мере, мы начнем лучше понимать, насколько неотъемлемо рассмотренные нами понятия включены в огромный мир основополагающих идей. Вот одна из причин, почему я выбрал именно эти шесть. Они действительно стержневые — каждая является центром, вокруг которого вращается много других великих идей.

Надеюсь, моя книга, пусть даже в той малой степени, будет полезна читателям. Безусловно, каждая из великих идей заслуживает гораздо более тщательного исследования. И они были проведены. В свое время я написал и издал довольно солидный двухтомник *The Idea of Freedom: A Dialectical Examination of the Conceptions of Freedom*, 1958 («Идея свободы. Диалектическое исследование концепций свободы»); опубликованы работы сотрудников Института философских исследований об идеях справедливости, любви, счастья, прогресса, красоты и религии.

Труды моих коллег намного обширнее и серьезнее того, что сделано мной в «Шести великих идеях». В своих книгах они предприняли попытку рассмотреть с разных сторон основные философские понятия, подвести итог многовековой традиции западной мысли, рассказать о многочисленных дискуссиях, выявить по всем важным вопросам оценки, аргументы за и против, точки соприкосновения и разногласия.

Поэтому издания Института философских исследований насыщены выдержками из текстов великих мыслителей всех времен и снабжены солидным научным аппаратом. Эти книги, несомненно, заслуживают изучения — их нужно не просто читать, а внимательно анализировать. Напротив, замысел моей книги о шести великих идеях заключается в том, что ее можно будет с пользой прочесть без скрупулезного штудирования.

Здесь следовало бы еще раз вспомнить о том исследовании мира великих идей, которое я предпринял около сорока лет назад, когда мы с Робертом Хатчинсом, президентом Чикагского университета, решили выпустить совместно с издательством «Британская энциклопедия» серию «Великие книги Западного мира». В рамках той работы мною был подготовлен указатель вечных идей в великих книгах — «Синтопикон», названный так, потому что он представлял собой собрание тем, которые так или иначе встречались в книгах серии. Три тысячи тем я систематизировал по отобранным идеям — таким образом, получилось сто две главы. Они включали в себя не только ссылки на соответствующие места из великих произведений, но и специально написанные мною тексты; каждая статья была посвящена развитию конкретной идеи в традиции западной мысли и основным дискуссиям, возникавшим в процессе осмысления того или иного понятия.

В отличие от «Синтопикона», двухтомного указателя к ста двум великим идеям, настоящая книга, посвященная всего шести из них, предназначена совсем для иных целей. В ее главах не будут рассмотрены истории развития идей, хотя мне и придется затронуть некоторые спорные вопросы, связанные с разными мнениями мыслителей. Статьи, написанные для «Синтопикона», давали представления о книгах, созданных самыми знаменитыми авторами, ориентировали читателей на выдающиеся произведения, в которых великие умы осмыслили вечные истины. Эта книга рассчитана на другое: помочь читателю найти собственную точку зрения на выбранные мною шесть важных понятий.

Моя цель будет достигнута, если я помогу каждому из вас выработать собственную философию, когда вы поймете, что вряд ли можно разобраться в жизни, не опираясь при этом на основополагающие

понятия. Причем, чтобы научиться самостоятельно постигать великие идеи, вовсе не требуется обладать выдающимися способностями, иметь специальные научные познания и профессиональную подготовку. Философия — занятие общечеловеческое. Вольно или невольно, но любой человек так или иначе выстраивает свои умозаключения. Все делают это. Надеюсь, я не ошибусь, если предположу, что каждый из вас захочет этим заниматься немного более осознанно.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В чем был прав и в чем ошибался Платон

В современной жизни имя Аристотеля обычно встречается в виде прилагательного *аристотелевский*, или *Аристотелев*, и в большинстве случаев в выражении «Аристотелева логика». Когда кто-то в чем-то нас убеждает, то на услышанные доводы мы порой — иногда одобрительно, иногда, напротив, презрительно — произносим: «Это Аристотелева логика»*.

Платона мы вспоминаем в связи с понятиями «любовь» или «идея» и чаще всего, как и в случае с Аристотелем, употребляем его имя в форме прилагательного *платоновский*, или *платонический*. Если речь заходит об определенном типе дружбы, мы говорим: «Между ними платоническая любовь». В каких-то ситуациях мы слышим: «Это не более чем платоновская идея, не имеющая ничего общего с реальностью»**.

Откуда столько пренебрежительного пафоса у людей, отзывающихся о «всего лишь» платоновской идее? Дело в том, что мы просто не готовы воспринять платоновское учение, которое едва ли можно

* Аристотель (384–322 до н. э.) — древнегреческий философ; ученик Платона; воспитатель Александра Македонского. Аристотелева логика — Аристотель считается автором первой системы формальной логики.

** Платон (428 или 427–348 или 347 до н. э.) — древнегреческий философ; ученик Сократа. Платоническая любовь — не связанные с чувственными желаниями отношения между индивидами. Платоновская идея — согласно Платону, сознание и тело человека состоят из абсолютно разных субстанций, каждая из которых подчиняется разным законам функционирования; психическое всегда первично, а его главная форма, идея, есть подлинная и единственная основа действительности.

считать слишком доступным для понимания. Более того — если кто-то начинает анализировать тексты Платона, то находит его учение абсолютно чуждым и общепринятому здравому смыслу, и собственному представлению о сути вещей. Но при этом нельзя относить платоновское учение к всецело ошибочным. Из двух его основных положений одно следует признать справедливым, а другое — неверным.

Начнем с того, которое оказалось неверным. По учению Платона, существует не один, а два мира: осязаемый мир непостоянных материальных вещей, воспринимаемых нами посредством органов чувств, и мир умопостигаемых, или интеллигибельных, предметов, осознаваемых нами с помощью сознания и разума. Для древнегреческого философа оба мира были реальными, то есть их бытие полагалось независимым от нашего восприятия.

Мир чувственных вещей все равно оставался бы на своем месте даже при условии, что на Земле не было бы ни человека, ни любого другого существа, наделенного глазами, ушами и остальными органами чувств. А такие понятия, как истина, добро, справедливость и свобода, наличествовали бы в любом случае — независимо от присутствия или отсутствия человеческого сознания, даже если на Земле не осталось бы ни одного живого существа, способного задумываться о подобных интеллигибельных предметах. Поэтому, согласно Платону, идеи добра или справедливости являются абсолютно подлинными сущностями, то есть вполне реальными.

Однако Платон на этом не останавливается. Он считает царство идей не просто реальным, а даже более подлинным, чем мир физических, проходящих, возникающих и исчезающих, так или иначе меняющихся вещей, воспринимаемых нами при помощи органов чувств. В предметах чувственного мира нет постоянства. С идеями все обстоит иначе: безусловно, мы можем менять свое представление об интеллигибельных вещах, но они тем не менее остаются неизменными. Идеи в отличие от живых организмов не рождаются и не умирают. Не перемещаются в пространстве, как звезды и атомы. В отличие от окружающих нас обычных материальных вещей — не нагреваются и не остывают, не увеличиваются и не уменьшаются. И так до бесконечности.

Таким образом, изменчивый предметный мир представляет собой не более чем тень мира идей — гораздо более подлинного. Переходя от чувственного опыта к интеллектуальной сфере, человек поднимается в высшую реальность, поскольку он обращается от вещей, не имеющих устойчивого бытия, к неизменным и тождественным самим себе (по Платону, «вечным») мыслительным сущностям, то есть идеям.

Тем из нас, кто не может стряхнуть оковы здравого смысла, может показаться, что Платон заходит слишком далеко, когда приписывает реальность миру идей, и еще дальше, когда возносит подлинность этих идеальных сущностей над подлинностью чувственных явлений. Мы отвергаем без всяких колебаний платоновское учение об идеях и заявляем, что выводы философа явно ошибочны. Для нас, практичных и благо-разумных, именно идеальный мир есть царство теней, он представляет собой лишь отражение осязаемых, видимых и слышимых предметов — того материального мира, в плену которого мы все пребываем.

На самом деле мы тоже можем переусердствовать, отказывая идеям хоть в какой-то подлинности или признавая их существование исключительно в собственном сознании — и то лишь во время мыслительного процесса. Подобное отношение превращает любую идею в абсолютно субъективное понятие. Ровно такое же субъективное, как ощущение боли, когда вы, скажем, прищемите палец. Вы жалуетесь мне на больной зуб, но то, что вы чувствуете, — ваше субъективное восприятие, и я не могу испытать ту же боль, потому что в данный момент она ваша и только ваша.

Учение Платона отнюдь не ошибочно. Он был прав, рассматривая идеи как умопостигаемые, или интеллигибельные, предметы, осознаваемые человеческим разумом. Он был прав, утверждая, что они принадлежат объективной реальности. Это платоновское положение объясняется самым простым образом: вы и я способны обсуждать одну и ту же идею, потому что она является предметом и ваших, и моих мыслей — точно так же, как мы с вами говорим об одном и том же пальто, пока вы помогаете мне его надевать и спрашиваете, достаточно ли оно теплое. Когда мы вдвоем беседуем об истине или правосудии, то эти идеи предстают перед нашим умственным взором и поселяются в нашем сознании вроде того пальто, которое вы помогли мне надеть.

Вероятно, могут возникнуть некоторые проблемы с толкованием, поскольку у слова *идея* есть два значения: в первом оно употребляется как нечто абсолютно субъективное, во втором — как что-то довольно объективное.

В первом, широком смысле *идея* означает неограниченный ряд сущностей, составляющих содержание человеческого сознания, — это наши озарения и впечатления; представляемые нами образы; вызываемые нами воспоминания; понятия и суждения, которые мы используем в процессе мышления.

Когда психологи используют слово *идея* именно в таком смысле, то все вышеперечисленные понятия безусловно субъективны. Мои озарения и впечатления; образы, являющиеся мне в мечтах; воспоминания, посещающие меня, — все это только мое собственное, но не ваше. Равно как мои соображения и принципы, к которым я так мучительно прихожу при исследовании сложной научной задачи.

Называя идеи «субъективными», мы имеем в виду, что они являются частными, а не общими. Когда я говорю о чем-то своем: собственных впечатлениях, воспоминаниях, соображениях, — я сообщаю, что они принадлежат исключительно мне одному. Ни у вас, ни у кого другого нет к ним доступа, подобно тому как никто не в состоянии разделить чужую зубную боль.

Во втором смысле *идея* означает объект, который доступен уже не только одному человеку: о нем могут думать, рассуждать и беседовать несколько человек. И хотя в этом значении слово *идея* не столь общеизвестно, как в первом, его неверно считать сложным или необъяснимым.

Пусть мы по-разному оцениваем решение, вынесенное Верховным судом, но это не мешает нам обсуждать наши взгляды на правосудие и оспаривать друг друга. Если я заинтересован в вашем мнении, то попрошу, чтобы вы изложили свою точку зрения на правосудие, и готов рассказать вам о собственной. В данном случае *правосудие* выступает как объект мысли, одновременно и вашей, и моей, но не как понятие, живущее в вашем или моем сознании.

Данное положение вовсе не отменяет того, что в вашем и моем сознании существуют понятия, которыми мы оперируем, рассуждая

о правосудии. Более того, наши понятия совершенно разные. Однако это не мешает нам думать об одном и том же мысленном объекте, который мы называем «правосудие» или «идея правосудия».

Самое время отметить, что мы можем по-разному воспринимать один и тот же материальный объект. Несмотря на то что для его восприятия я задействую свои органы чувств, а вы свои, сам ощущаемый объект — скажем, пальто, которое вы помогли мне надеть, — остается тем же самым. Точно так же у каждого из нас собственные воспоминания о том футбольном матче, на который мы с вами ходили, но мы оба помним один и тот же гол на последней минуте игры.

Позвольте мне проиллюстрировать эту мысль примером, взятым мною из тех времен, когда я писал книгу об идее свободы. Я хотел рассмотреть по этой теме весь спектр мнений западных мыслителей, поэтому мне пришлось перечитать написанное сотнями авторов. Кстати сказать, некоторые из них пользовались словом *свобода*, а другие — словом *вольность*, но было совершенно понятно, что это всего лишь разные два слова, взятые для одного и того же мысленного объекта.

Однако не всегда было очевидно, что авторы, пишущие об одном и том же предмете, но использующие или лексему *свобода*, или слово *вольность*, говорят об одном и том же объекте. Некоторые, например, рассматривали свободу с точки зрения возможности действовать так, как хочется человеку. Это та свобода, которой обычно лишен человек, заключенный в тюрьму или закованный в цепи, то есть воля. Некоторых заботила свобода волеизъявления, то есть выбора, которую отрицают те, кто называет себя детерминистами.

Сама идея свободы, или, говоря иначе, свобода как объект мышления, включает в себя оба этих понятия. Многие авторы, пишущие «о свободе», как правило, останавливаются только на одном ее аспекте. Но все авторы, рассматривающие один аспект свободы, подразумевают один и тот же объект. Если это было бы не так, то любой разговор о сходстве и различии взглядов оказался бы бессмысленным.

Например, размышляя о свободе как возможности человека делать то, что он хочет, одни авторы считают отсутствие физических ограничений достаточным условием воли. Другие возражают: недостаток средств к существованию тоже ограничивает индивида. Так человек,

не имеющий высокого достатка, не может себе позволить пообедать в ресторане отеля «Ритц»*, даже если он очень этого хочет.

Не было бы никакого противоречия, если бы и те и другие авторы не размышляли об одном и том же объекте — аспекте свободы, который подразумевает возможность человека делать то, что он хочет и что ему нравится.

Подводя итог, хочется посоветовать читателям помнить, что в этой книге шесть великих идей не рассматриваются с точки зрения психологии. В ней не рассказывается о том, что происходит в уме человека, когда он обдумывает ту или иную идею, и какими понятиями он при этом пользуется. Я описываю только объекты, составляющие предмет мысли, — то, что люди обсуждают, о чем размышляют и спорят на протяжении столетий.

Тому большинству, которое неизлечимо привязано к слову *идея* в его субъективном смысле, я посоветую заменить его выражением *мысленный объект*. Лично я предпочитаю сохранить слово *идея* и прошу читателей не забывать о том, что когда я пользуюсь им в своей книге, то всегда подразумеваю шесть вечных мысленных объектов, а не субъективные понятия и суждения.

Получается, что Платон был прав. Идеи как объекты мысли действительно существуют. Идея правды и понятие правосудия не исчезнут, когда я прекращу о них думать, потому что другие люди продолжают размышлять о них. Тем не менее, в отличие от стула, на котором я сижу, или книги, которую держу в руках — то есть материальных предметов, не перестающих существовать в качестве ощущаемых объектов, когда их никто не воспринимает, — объекты мысли перестают существовать в качестве познаваемых вещей, когда о них никто не думает.

Звезды и атомы остались бы во вселенной даже в том случае, если бы ее перестали населять живые существа, способные эти объекты воспринимать. Но не было бы никаких идей как умопостигаемых предметов без человека, способного вмещать их в свое сознание. Идеи существуют объективно, но они не обладают той же реальностью, как материальные вещи. В этом Платон ошибался.

* «Ритц» — международная сеть отелей класса «люкс».

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Mifbooks

Mifbooks

Mifbooks